

ГЕРМАНИЯ

К ИСТОРИИ СОЮЗА ПРОЛЕТАРСКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ

Статья Труде Рихтер *

1

Буржуазные историки немецкой литературы, не привыкшие уделять внимание связи литературы с общественной жизнью, обычно почти не упоминают о Союзе пролетарско-революционных писателей Германии. Но марксистская наука не может пройти мимо этой организации, без которой нельзя объяснить возникновение социалистической литературы в Германии. Молодое литературоведение ГДР уже добилось в этой области некоторых успехов. В последние годы Германская Академия искусств в Берлине опубликовала три тома, посвященных этой теме ¹. Настоящая статья может рассматриваться как дополнение к ним. Она опирается не только на документы, но и на собственные воспоминания автора **.

Интенсивная деятельность Союза может получить правильную оценку только при учете двух факторов. Первый из них — это предпосылки для возникновения и роста подобной организации в самой Германии; второй — победа Октябрьской революции и создание первого в мире Советского государства.

Конституция Веймарской республики предоставляла пролетариату некоторую политическую свободу. Поэтому Коммунистическая партия Германии смогла в 1920-х годах превратиться в массовую партию, способную расширять и углублять свою пропаганду в области культуры в таком большом масштабе, как ни в одной другой капиталистической стране. Существование этой партии, которая даже на последних выборах 1933 г., уже при гитлеровском режиме, получила более пяти миллионов голосов, способствовало возникновению в Германии социалистической литературы. Но у нас, как и повсюду, прежде чем этот процесс мог принести ощутимые художественные результаты, следовало «воспитать воспитателей», создать новые кадры писателей или переучить старые. Этот длительный и сложный процесс начался непосредственно после Октябрьской революции.

Таким образом, основание Союза (19 октября 1928 г.) не совпадает с начальным периодом развития социалистической литературы в Германии. Эту дату можно было бы скорее рассматривать как завершение первой фазы ее развития.

Авторы ранних произведений социалистической поэзии частью были выходцами из буржуазной интеллигенции и принадлежали к экспрессио-

* Перевод с немецкого Л. М. Бродской.

** Труде Рихтер была активной участницей Союза пролетарско-революционных писателей Германии. В 1932—1935 гг. она являлась первым секретарем Союза. В настоящее время живет в ГДР. — *Ред.*

ЖУРНАЛ «DIE LINKSKURVE» —
 ОРГАН СОЮЗА ПРОЛЕТАРСКО-
 РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
 ГЕРМАНИИ
 1929, № 1, август
 Обложка

нистическому или футуристическому направлению, как Бехер, Толлер, Мюзам и другие; частью же это были поэты социал-демократического лагеря, как, например, Макс Бартельс, — они, однако, вскоре отошли. Только в 1920-х годах выросли пролетарские таланты — Карл Грюнберг, Ганс Мархвица, Вилли Бредель, которые из рабочих корреспондентов превратились в писателей.

На протяжении немногих лет у нас выработался новый тип писателя, существенно отличающийся от своих буржуазных или околубуржуазных собратьев. Боевое профессиональное сознание нового писателя приводило его к выводу о необходимости создания писательской организации.

Уже в 1924 г. возникли «Клуб пролетарской культуры» и «Красная группа», а в 1925 г. к ним прибавилась «Группа 1925 года», в которую входили как левобуржуазные писатели, так и коммунисты. С этого же года возникло и «Трудовое объединение коммунистических писателей», входившее на правах фракции в Союз защиты немецких писателей. Писатели-коммунисты решительно боролись внутри Союза защиты против реакционных тенденций веймарской политики в области литературы. Так, например, они разоблачили антикоммунистический характер «Проекта закона об охране молодежи от бульварной печати и порнографической литературы» и завоевали себе этим выступлением уважение многих беспартийных членов Союза защиты. Они приобрели первый опыт в этой боевой повседневной работе профессиональной организации писателей. И именно их группе была поручена подготовка основания нового Союза пролетарско-революционных писателей.

Показательным для новой литературы «из низов» являлся присущий ей децентрализованный характер: местные писательские группы создавались во всех отраслях промышленности. Когда партия призвала к образованию общегерманского Союза пролетарско-революционных писателей, выяснилось, что уже работало двенадцать групп, иногда довольно многочисленных. Так, например, в Рурской области местная группа со-

стояла из двадцати пяти человек. К этому времени уже существовали широкие возможности для печатания произведений молодой социалистической литературы в таких органах, как «Proletarische Feuilleton-Korrespondenz», «Die Front», «Der Gottlose» («Безбожник»), «Der Pfaffenspiegel» («Зеркало попов»), журнал «Arso», журнал для женщин и др.

Кроме того, в те же годы было издано несколько лирических сборников. Наряду с такими известными писателями, как Бехер и Эрих Вайнерт, появились молодые рабочие поэты — Эмиль Гинкель, Ганс Лорбеер и другие. Коммунистическая печать публиковала рассказы Карла Грюнберга, Ганса Мархвицы, Пауля Кёрнер-Шрадера и др. Общей темой всех этих произведений была борьба и страдания рабочего класса в Веймарской республике. Этому были посвящены и многие агитационные пьесы.

Следует отметить две особенности развития немецкой социалистической литературы: с одной стороны, за исторически новый материал не брались писатели, обладавшие опытом и широким образованием. У начинающих пролетарских авторов не было никакого значительного литературного образца, на который они могли бы ориентироваться. К сожалению, немецкого Горького не существовало. Наше великое классическое наследие в области культуры было еще недоступно для них; с другой стороны, вышедшие из буржуазных кругов писатели-коммунисты только постепенно преодолевали свою идеологическую незрелость. Все это объясняет, почему нашим тогдашним литературным произведениям еще были присущи известные художественные недостатки.

В такой обстановке советская литература приобрела для нашей литературы решающее значение. Уже в 1923—1924 гг. Бехер перевел поэму Маяковского «150 000 000»; в последующие годы переводы произведений Горького, Серафимовича, Gladкова и других писателей познакомили нас с советской прозой и создали основу для сильного и плодотворного художественного воздействия советской литературы на наших писателей. Опыт РАППа показывал, какое большое политическое значение имеет сплочение писателей-единомышленников, и подтверждал, что настало время для организации и у нас, в Германии, такой же кузницы социалистической литературы. Без тесной связи с советскими писательскими организациями было немислимо возникновение немецкого Союза: социалистическая мировая литература XX столетия могла развиваться только на основе интернационализма.

2

На состоявшейся в 1927 г. в Москве первой Международной конференции пролетарских и революционных писателей присутствовали три товарища из Германии — И. Р. Бехер, Берта Ласк и А. Габор. Как известно, конференция после бурных дискуссий выработала программу дальнейшей работы и приняла решение о необходимости организации в капиталистических странах пролетарско-революционного литературного движения и о развертывании борьбы против империалистической войны и фашизма. Бехер был избран представителем Германии в Международном бюро революционной литературы.

Год спустя, 19 октября 1928 г., в Берлине был основан германский Союз пролетарско-революционных писателей. На учредительном заседании Союза присутствовало 150 писателей, многочисленные рабочие корреспонденты, а также рабочие, интересующиеся литературой. Заседание открылось речью Бехера. Теперь, когда у нас, в ГДР, существуют сотни кружков, которые объединяют рабочих, занимающихся литературой, эта речь вновь приобретает актуальное звучание.

«Когда наш Союз станет тем, чем он может быть, и для чего, по нашему мнению, есть достаточно сил, тогда наше сегодняшнее собрание будет иметь значение не только для всей пролетарско-революционной литературы, но станет событием в истории рабочего движения»².

Основные положения этой речи были приняты с большим воодушевлением.

«Наш Союз,— продолжал Бехер,— является прежде всего практическим подтверждением, живым доказательством существования пролетарско-революционной литературы. Она есть, и не признавать ее нельзя. <...> Мы верим в эту „литературу из низов“, в работе ради нее мы видим нашу главную задачу, и мы надеемся, что она окажется самым острым и самым действенным художественно-литературным оружием в классовой борьбе. Нельзя сложя руки ожидать, пока „литература из низов“ появится сама собой, ее необходимо поощрять и заботливо выращивать. Мы должны приложить все силы к тому, чтобы создать крепкую литературную смену, которая будет учиться на наших ошибках, на ошибках старшего поколения и которой удастся в простой, убедительной форме выразить ясное, проникнутое идеями классовой борьбы содержание». «Применение марксизма к литературе, марксистская критика, марксистская эстетика — это область, которая еще совершенно не исследована и в которой еще многое нужно сделать. Вы согласитесь со мной, если я назову в качестве одной из задач Союза открытую критическую дискуссию в нашей собственной среде <...> Мы также подвергаемся влиянию изнеживающей, разлагающей атмосферы, созданной в процессе развития буржуазной литературы, пресловутое „пусть все идет своим чередом“ въедается и в нас. Мы часто идем рядом, не замечая друг друга, проходим мимо друг друга, расходимся в разные стороны. При такой взаимной отчужденности, возможности учиться чему-нибудь друг от друга, помогать друг другу совершенствоваться минимальны. Мы хотим стать коллективом <...> В настоящее время наш Союз — это зародыш, это скромное начало подобного коллектива»³.

В организационном уставе Союза были перечислены следующие формы его деятельности:

- 1) Подготовка мероприятий, способствующих развитию пролетарско-революционной литературы и искусства, и участие во всех таких мероприятиях;
- 2) Организация образовательных вечеров и дискуссий;
- 3) Организация авторских вечеров, лекций и т. п.;
- 4) Выступления с докладами по радио;
- 5) Издание журнала;
- 6) Поддержка всех организаций, сочувствующих пролетарско-революционной литературе, главным образом рабочих театров, рабочего радио и рабоче-крестьянского движения;
- 7) Подбор пропагандистского материала к проводимым кампаниям;
- 8) Обеспечение докладчиками, преподавателями и специальными работниками пролетарско-революционных мероприятий;
- 9) Охрана экономических интересов пролетарско-революционных писателей, главным образом путем воздействия на газеты, издательства и другие организации, выступающие в качестве заказчиков; посредничество в спорных вопросах;
- 10) Установление и развитие связей с пролетарско-революционными писателями за рубежом, в особенности с писателями Советской России⁴.

Не следует забывать, что работа нашего Союза была неотъемлемой частью культурной деятельности КПП, которая широко развивалась в те годы⁵. Без повседневной активной поддержки ЦК КПП социалистическое литературное движение не могло бы развиваться.

Как же осуществляло оно свои задачи?

Уже в конце 1929 г. появился подробный отчет о том, что было сделано за год. Этот документ давал наглядную картину успехов и трудностей в деятельности Союза⁶.

За это время выяснилось, что поставленная Союзом задача выработки программы натолкнулась на значительные трудности, связанные в первую очередь с неразработанностью вопроса о применении к литературе идей марксизма-ленинизма. Поэтому было решено обсудить предварительно вопросы эстетики и литературной политики на семинарах и на широких дискуссиях, организуемых Союзом. Многие из товарищей, в том числе и некоторые члены партии, рассматривали литературу как «нейтральную» область и не хотели признавать, что литература неразрывно связана с политикой и поэтому ее развитие должно быть поставлено под контроль и руководство партии. Были члены Союза, которые, исходя из своих личных вкусов, ориентировались то на классическую литературу, то на модернистские буржуазные течения.

В литературном отношении 1929 год принес значительные плоды: книги Бехера, Грюнберга, Клебера, Гинкеля, Лорбеера, Берты Ласк, Вайнерта и других были не только хорошо приняты в нашей среде, но и вызвали отклики в буржуазной прессе.

Особенно сильное воздействие оказал роман бывшего рабочего корреспондента Карла Грюнберга «Пылающий Рур». Это волнующее реалистическое изображение героических революционных боев рурского пролетариата уже в течение 1927 г. было опубликовано в шестнадцати рабочих газетах. В следующем году роман вышел отдельной книгой и встретил одобрение даже такого взыскательного читателя, как Томас Манн.

К нам перешли два видных писателя из буржуазного лагеря. Людвиг Ренн, получивший известность благодаря своему роману «Война», и Анна Зегерс, роман которой «Восстание рыбаков» был отмечен премией имени Генриха Клейста. Оба они примкнули к рядам пролетарско-революционных писателей не как «попутчики», а как единомышленники.

С августа 1929 г. Союз начал издавать собственный орган — журнал «Die Linkskurve», который выходил ежемесячно до конца 1932 г. Редакционная коллегия состояла из Бехера, Габора, Клебера, Вайнерта и Ренна. Позднее Габора заменил Мархвица. Ответственным редактором был все время Ренн. В статье «Наш фронт», открывавшей первый номер журнала, Бехер четко обрисовал историческое значение нового этапа в развитии литературы:

«Самым важным событием в области литературы является возникновение пролетарско-революционной литературы, литературы, которая рассматривает и организует мир с точки зрения революционного пролетариата. Она представляет собой восстание против современного мира; призыв к здоровым умам и сильным плечам».

«Пролетарско-революционная литература — это не литература бедняков, не поэзия сострадания, она не оплакивает горькими слезами нищету пролетариата <...> Она родилась в ураганном огне и в уличных боях, она выросла под гнетом цензуры. На эксплуатацию и на войну она отвечает активными решениями. Пролетарско-революционная литература воспекает классовую любовь и классовую ненависть. Она шагает с нами под лозунгом: „Война войне!“ <...>

Война не распустила нас по домам. Родина, куда мы вернулись, не была нашей родиной. Мы остались солдатами и продолжаем бороться под красным знаменем. Здесь, на этом участке германского фронта, мы воюем. Мы не поклоняемся литературе, мы не так безнадежно преданы ей и не так одержимы любовью к слову, чтобы не понимать, какие естественные границы поставлены искусству. Если в этом возникнет необхо-

димось, мы в любое время выставим наших людей и вне литературы, там, где они нужны <...> Мы не маскируемся. Кто мы — это совершенно ясно»⁷.

Другие статьи первого номера написаны в том же духе. Авторы их выступают непримиримо и подчас слишком прямолинейно, не учитывая всей сложности идейной обстановки. Если Клебер в своей статье убедительно возражает против искажения понятия «пролетарская литература» Максом Бартельсом и другими, то Габор резко отчитывает не только Эмиля Людвиг за «Июль 1914», но и Анри Барбюса, создавшего в «Monde» «детский сад для запутавшихся интеллигентов» и «танцплощадку для салонных социалистов всякого рода». Отто Биха требует пристального изучения литературных попутчиков, которые часто скрывают под маской сочувствия лицо опасного врага. В таком же тоне написана редакционная заметка об Эрнсте Толлере, в которой говорится: «Как его прошлое, так и его настоящее позволяет нам считать его способным на всё (!)».

В качестве нового литературного жанра журнал выдвигал короткий рассказ. Мархвица описал процесс его создания: «От первой рабочей корреспонденции к первому короткому рассказу». Э. Стеффен видел в заводской газете «зародыш» пролетарской литературы. В то время в Германии существовало около 700 подобных газет, и в каждом номере они разоблачали распад буржуазного общества, сообщали об успехах революционной борьбы и призывали рабочих к политическому объединению. Стеффен заключил свою статью следующими словами: «Пролетарско-революционную литературу может создавать только тот, кто сам участвует в освободительной борьбе пролетариата».

С этим был согласен тогда и Бехер; в передовой статье январского номера 1930 г. он настаивал на необходимости отмежеваться от «попутчиков» и приветствовал появившиеся рабочие корреспонденции и очерки в заводских газетах как новые литературные формы: «Это наша литература; самое незначительное ее слово в тысячу раз превосходит всю буржуазную литературу».

Весьма интенсивной была просветительная деятельность Союза. Уже за первый год его существования в Берлине было организовано пятнадцать кружков, из них восемь по жанру короткого рассказа, пять — по репортажу и два — по лирике. Число посетителей этих кружков постоянно увеличивалось и достигло до 72 человек в один вечер. Многие из посетителей этих занятий не были членами Союза, но в результате оживленных дискуссий стали ими. Кружки значительно способствовали идеологическому просвещению членов Союза. На этой ранней стадии многие положения социалистической литературной теории требовали еще подробного изучения. Вопросы творческого метода и культурного наследия обсуждались как в кружках, так и на заседаниях правления Союза. О спорах, которые нам приходилось вести в собственных рядах, можно составить представление лишь если учесть, что в те времена в широких кругах царил еще полное непонимание социального значения художественной литературы и ее роли в классовой борьбе.

Свою самую важную задачу Союз видел в том, чтобы пробудить в широких кругах трудящихся интерес к пролетарско-революционной литературе, о существовании которой тогда еще мало кто знал.

С этой целью было прочитано много докладов и лекций, в которых участвовали почти все члены правления Союза. Состав правления Союза в конце 1929 г. был следующим: Бехер — первый председатель, Пауль Кёрнер — второй председатель, Карл Грюнберг — третий председатель. Людвиг Ренн — первый секретарь, Берта Ласк — второй секретарь. Андор Габор возглавлял работу образовательных кружков, его помощниками были Александр Абуш и Курт Клебер. Бехер, Габор и Берта Ласк каж-

ДЕЛЕГАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В КИЕВЕ.
ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ

Слева направо: Матэ Залка, Карл Грюнберг, Ганс Лорбеер, Курт Клебер (предпоследний) и др.
Фотография, апрель 1929 г.

Собрание Ганса Лорбеера, Пистериц (ГДР)

дую неделю проводили занятия в Марксистской рабочей школе. Члены правления Союза выступали с программными докладами не только в Берлине, но и во многих других городах. Кроме того, все они бывали на собраниях в заводских и уличных ячейках, а также в разных общественных организациях, например, у «Друзей природы», в спортивной организации «Фихте», в Социалистическом школьном союзе, у «Красных студентов» и др.

К пропагандистской работе Союза было привлечено и берлинское радио. После бесконечных переговоров, успеху которых способствовало как имя Бехера, так и его умение убеждать противника, пролетарская литература впервые стала доходить до радиослушателей без цензуры. Бехер и другие авторы сами читали свои произведения по берлинскому радио. Такие же передачи были организованы и в Кёльне.

Союзом была проведена весьма успешная кампания «Неделя пролетарской книги», задуманная в противовес буржуазному «Дню книги». Своей неустанной деятельностью члены Союза привлекали к пролетарской литературе новые читательские массы. Одним из наиболее удачных мероприятий оказался митинг, созданный для пропаганды пролетарской книги, на котором присутствовало более четырехсот рабочих и работниц. Поездки членов Союза с книжными фургонами способствовали продвижению в рабочие районы пролетарской литературы. Во время одной из таких поездок, в Веддинге, Бехер и Курт Петерсон были арестованы, что вызвало бурный протест присутствовавших рабочих.

Подобные случаи не были единичными. Правительство всячески пыталось мешать нашей деятельности путем конфискации книг, запрета печатания литературы и театральных спектаклей (пьесы Берты Ласк были, например, запрещены для представления в провинции); организовывало судебные процессы по обвинению в государственной измене (вспомним хотя бы процесс против Бехера за его роман «Люизит»; суд над писателем-коммунистом не состоялся лишь благодаря широкой волне протеста во всем мире).

Несмотря на то, что работа в Союзе была далеко не легкой, число его членов непрерывно росло. К концу 1929 г. в Союзе их насчитывалось уже 320, но, конечно, не все принимали активное участие в его работе. Хотя Союз ничего не предпринимал для создания и укрепления местных групп, последние все же развивались. Берлинская группа состояла из 171 человека, гамбургская — из 20, группа Рурской области — из 23, лейпцигская — из 17, венская — из 6, объединенная базельская и цюрихская группа — из 7 человек. По своему социальному происхождению 42% членов Союза были рабочими и служащими и 42% — профессиональными писателями или редакторами. Остальные 16% составляли учителя, студенты, художники, театральные деятели. В отношении партийной принадлежности берлинская группа включала членов КПГ (55%), социал-демократов и анархистов (3%) и беспартийных (42%). Постоянно укреплялись связи с другими организациями. Так, в состав расширенного правления Союза входили по одному представителю от рабочих корреспондентов, от Ассоциации революционных художников и от Союза рабочих театров.

Зарубежные связи Союза поглощали немало времени у его членов. Уже в первый год своего существования Союз вел переписку с пролетарско-революционными литературными организациями и редакциями журналов в Чехословакии, Швейцарии, Австрии, Польше, Венгрии, Румынии, Латвии, Дании, Франции, Югославии, США, Японии и Австралии. Руководство Союза приступило к организации швейцарской и австрийской местных групп. Чтобы наладить живой обмен мнениями с австрийскими товарищами, Бехер предпринял пропагандистскую поездку, в маршрут которой включил Вену. Не без влияния этой поездки, в начале 1930 г. был создан самостоятельный австрийский Союз пролетарско-революционных писателей⁸. В качестве представителя Международного бюро Бехеру было поручено организовать в Западной Европе секции Союза. Завязалась оживленная переписка с французскими и бельгийскими левыми писателями и публицистами. В отчетном докладе за 1929 г. сообщалось: «По нашему примеру и под воздействием нашей деятельности было положено начало созданию бельгийского и французского Союзов пролетарско-революционных писателей»⁹.

Связи с Международным бюро революционной литературы, установившиеся в 1927 г. на конференции МБРЛ, значительно оживились к 1929 г., когда делегации немецких писателей дважды побывали в Советском Союзе. В состав первой делегации входили Клебер, Грюнберг, Лорбеер, Петерсон, Мархвица и Габор. Вскоре этим товарищам удалось проложить путь немецкой пролетарско-революционной литературе к советскому читателю. С тех пор произведения немецкой социалистической литературы издаются в Советском Союзе массовыми тиражами. Первая делегация установила связь не только с русскими, но и с украинскими и белорусскими писателями. Еще более активно работала над установлением международных связей вторая немецкая делегация, прибывшая в Советский Союз осенью 1929 г. В нее входили Бехер, Габор, Грюнберг, Ренн и Вайскопф. Эти товарищи вместе с представителями МБРЛ ездили в Эривань, Тифлис, Баку и Харьков. Во всех национальных центрах Закавказья обсуждались вопросы организационного сплочения пролетарско-револю-

ционных писателей. В этих спорах особенно активное участие принимал Бехер. Члены немецкой делегации несколько раз выступали по радио в Москве и Тифлисе, а Бехер участвовал в открытии московской профсоюзной радиостанции.

3

На Харьковской конференции 1930 г. начался новый этап развития нашей литературы. На этом большом коллективном смотре всего, что до тех пор было достигнуто, немецкая пролетарско-революционная литература и ее организация получили в целом весьма положительную оценку. В отчетном докладе о деятельности Международного бюро Иллеш отметил, что «после советской пролетарской литературы наибольшее мировое значение имеет немецкая пролетарская литература», и особо подчеркнул значение работы немецкой секции МБРЛ: «Союз пролетарских писателей Германии дал нам пример того, каким образом следует воздействовать на развитие вышедшего из рабочей среды молодого пролетарского писателя и каким образом должна поддерживаться связь с революционными писателями, вышедшими из мелкобуржуазных слоев»¹⁰. Но в то же время в докладе были сделаны критические замечания по адресу журнала «Die Linkskurve», «который не вступил в сотрудничество с радикальными мелкобуржуазными писателями и оттолкнул их от себя» (стр. 17). Особенно резко осуждал Иллеш статью А. Габора о «Monde», в которой тот «напал в неподобающей форме на самого т. Барбюса» (стр. 18).

Подробный отчет о Харьковской конференции вышел бы за рамки настоящей статьи¹¹. Мы ограничимся краткими замечаниями о докладах и выступлениях немецких делегатов — эти доклады во многих отношениях явились как бы вехами, обозначившими наш дальнейший путь. Это в первую очередь относится к глубокому, можно сказать, почти пророческому докладу Бехера «Угроза войны и задачи революционных писателей». Возможностью выступить с этим докладом Бехер обязан инициативе Л. Ренна, который 16 августа 1930 г. обратился к Международному бюро по вопросу о программе Харьковской конференции¹².

Начав с подробного анализа причин, неизбежно порождающих войны, Бехер показал в своем докладе, что в условиях империализма «мир становится только передышкой между войнами»: «Всюду со времени окончания мировой войны полным ходом идет война империалистов против восставших колониальных народов (...) И эти гражданские войны являются только промежуточной формой между сегодняшним миром и грядущей мировой войной, являются предтечами новой мировой бойни» (стр. 34). Остановившись далее на том, как разрешает свои военные задачи буржуазная литература, Бехер приходит к выводу, что ни националистическая военная литература, ни литература пацифистская, «из которой книга Ремарка „На Западе без перемен“ получила наибольшую известность», не ставят вопрос о происхождении войны, о ее причинах. При этом пацифистская литература с ее преимущественным вниманием к изображению «ужасов войны», человеческих страданий, приносит особенно большой вред. Поэтому для революционных писателей «борьба против разоруженческого обмана пацифизма в настоящее время составляет одну из основных задач борьбы против империалистической войны» (стр. 38).

Бехер указывает на неразрывную связь борьбы против империалистических войн и практики революционной борьбы пролетариата в мирное время. Этим определяется одна из важнейших задач революционной литературы: «Чем яснее и решительнее мы, революционные писатели, углубимся в существо войны, в ее причины и предпосылки, чем больше мы в наших произведениях будем освещать борьбу рабочего класса за повышение заработной платы и сокращенный рабочий день, чем теснее мы будем

связывать прошлую войну с настоящей, тем легче будет нам выступать против военной опасности с нашими специфическими художественными средствами» (стр. 42).

Чтобы выполнить эту задачу, пролетарская литература должна стать «боевой массовой литературой». Одной из предпосылок этого является овладение живым народным языком. «Товарищи, входящие в Союз пролетарско-революционных писателей Германии, в большинстве случаев непосредственно связаны с партийной работой и вследствие этого у них невольно, так сказать, партийный официальный язык переносится в их литературные произведения. Многие пишут еще таким трудным и непонятным языком, который может быть разгадан только посвященными <...> Необходимо изменить язык наших литературных произведений <...>, писать на таком языке, который сохранил бы всю полнокровную силу и пластику народного языка, который был бы доступен всем, даже тем, кто не владеет партийной терминологией» (стр. 44).

С глубокой убежденностью Бехер говорит далее о необходимости создать «боевое и мощное» Международное бюро революционной литературы, которое должно «охватить не только пролетарские революционные организации передовых стран, но также национально-революционных писателей и национально-революционные писательские объединения угнетенных народов и национальных меньшинств <...> В целях правильной организации и руководства литературным движением в Западной Европе весьма важно создать западноевропейский секретариат, который имел бы свой центр в Берлине» (стр. 45—46).

В выступлениях А. Куреллы, полностью одоббившего деятельность МБРЛ за отчетные три года, прозвучали вместе с тем критические замечания. Он отметил, что Бюро совершенно недостаточно информировало национальные секции «о развитии литературы в Советском Союзе», предложил установить связи с революционными деятелями в области изобразительных искусств, театра, музыки и высказался за перестройку журнала — основного органа МБРЛ (стр. 164—165). Призывая к критическому использованию опыта литературных организаций СССР, Курелла считал, что немецкий Союз не должен «повторять все фазы долголетних дискуссий, имевших место в РАППе»: «Из опыта дискуссий РАППа мы должны почерпнуть все то, что облегчит рост нашей организации и предостережет ее от повторения преодоленных уже русскими товарищами ошибок» (стр. 260—261).

Л. Рени посвятил свое выступление организационным вопросам Союза пролетарско-революционных писателей Германии и его составу. Особое внимание он уделил тяжелому материальному положению писателей-революционеров в условиях политического террора и финансового бойкота со стороны буржуазных издательств. Он говорил также о серьезных экономических трудностях, которые испытывает «Die Linkskurve» и которые угрожают существованию журнала.

Ряд немецких делегатов принял участие в развернувшейся на конференции дискуссии по вопросу о ведущих жанрах пролетарской литературы. Э. Глезер не согласился с теми, кто утверждал, что «роман, особенно роман психологический, как литературная форма отжил свой век» (стр. 181). На противоположную точку зрения стала Гертруда Ринг, которая заявила: «Нам не нужно сейчас больших произведений, больших романов». Она говорила о необходимости в первую очередь разрабатывать «произведения малой формы» (стр. 185). Г. Мархвица высказался не столь категорично, потому что он сам в своем творчестве обращался к форме романа. Но, тем не менее, он назвал в качестве первоочередной задачи борьбу «с тенденцией недооценки малых форм, массовой политической литературы» (стр. 253).

Насколько конференции удалось после откровенного товарищеского обсуждения выработать общую точку зрения по важнейшим проблемам,

КНИЖНЫЙ ФУРГОН
СОЮЗА ПРОЛЕТАРСКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ

Фотография, декабрь 1929 г.

Собрание Труде Рихтер, Лейпциг

доказывает принятая ею «Резолюция по политическим и творческим вопросам международной пролетарской и революционной литературы» (см. стр. 86—93).

Основное содержание резолюции — и одновременно самый плодотворный результат конференции — заключалось в признании необходимости объединения литературных сил революционного лагеря: «Необходимо поставить перед всеми национальными секциями МОРПа задачу неразрывного единства литературного и рабоче-крестьянского фронтов; это обеспечит не только пополнение пролетарских кадров, но и теснейшую связь с революционной практикой рабочего класса». В этом отношении конференция подтвердила правильность политической линии немецкой секции.

Наряду с этим в резолюции была поставлена «проблема организации сотрудничества с примыкающими к пролетариату революционными писателями из мелкой буржуазии» и их духовного перевоспитания. Это перевоспитание должно носить характер руководства, а не командования. Задача эта может быть разрешена только тогда, когда, с одной стороны, будут преодолены сектантские тенденции, а с другой, — когда наше движение «научится отличать подлинно революционных писателей от писателей псевдореволюционных и разоблачать последних» (стр. 90).

Что касается споров по эстетическим вопросам, то здесь был выдвинут тезис, что создание новых форм, присущих пролетарской литературе, обусловлено ее новым содержанием; при этом ссылались на возникновение в 1920-х годах пролетарского романа в Германии и в Советском Союзе. В романах этого нового типа активные пролетарские борцы описы-

вали опыт классовых боев тех лет. Серафимович, Фурманов и Фадеев обобщали опыт гражданской войны в СССР, а Мархвица в романе «Штурм Эссена» — опыт революционной борьбы рурского пролетариата.

Эти положения, выдвинутые конференцией, открывали пролетарским писателям, из которых многие до сих пор ограничивались описанием жизни своего завода, путь в обширную область творчества и побуждали их направить свои усилия на изображение сложных социальных явлений, на создание типических образов борцов за дело революции, короче говоря, на создание таких произведений, как «Коммунисты» Арагона или «Мертвые остаются молодыми» Анны Зегерс, будущие авторы которых сидели вместе с нами в зале.

В резолюции было также указано на очерк как на важный жанр пролетарской литературы — очевидно, под влиянием высказываний Горького в журнале «Наши достижения». Сектантские тенденции, сказавшиеся в попытках ограничить пролетарскую литературу одними лишь короткими рассказами и корреспонденциями, были, таким образом, осуждены.

Антидиалектической и политически неправильной была признана точка зрения тех, кто рассматривал «всякую литературу, кроме пролетарской, как сплошь реакционную». Тем самым была объявлена война и этому пережитку пролеткультовщины.

Решения Харьковской конференции имели большое значение для дальнейшего развертывания работы МОРПа и его секций.

В резолюции по Германии (стр. 99—100) линия Союза пролетарско-революционных писателей была признана правильной. В качестве важнейшей задачи здесь выдвигалось требование превратить Союз, «который до сих пор был объединением отдельных писателей», в массовую организацию. Особое внимание предлагалось уделить в дальнейшем развитию юношеской, женской и крестьянской литератур. В резолюции отмечалась также необходимость усиления и укрепления центрального органа Союза — журнала «Die Linkskurve».

4

Размах, тематика и радиус воздействия нашей литературы значительно расширились в 1930—1932 гг. Хозяйственный кризис и продолжающаяся фашизация Веймарской республики порождали новые сюжеты, новых героев из различной социальной среды. Так, Густав фон Вангенхейм в комедии «Мышеловка» рисует историю жизни буржуазного служащего, который от бессильного индивидуального протеста переходит к борьбе в рядах рабочего класса; Фридрих Вольф в драме «Крестьянин Бетц» выводит тружеников деревни. Социалистическое строительство в Советском Союзе воодушевляло как поэтов, так и прозаиков. Достаточно вспомнить «Великий план» Бехера или репортаж Кипша «Азия основательно изменилась». Китайская революция вдохновила Вольфа на создание драмы «Тай Янг пробуждается». Анна Зегерс обратилась к интернациональной революционной тематике в романе «Спутники», в рассказе «На пути к американскому посольству», посвященном Сакко и Ванцетти, и в других произведениях. Роман становится теперь излюбленным жанром нашей литературы. Бредель пишет романы «Машиностроительный завод Н. и К.», «Улица Розенгоф», Ганс Мархвица — роман «Битва за уголь». Работница Эмма Дорнбергер — первый роман о женщинах — «Женщины ведут войну». Вышло много романов о молодежи. Большим успехом пользовалась «Красная одномарочная серия романов», которая имела хороший сбыт и немало способствовала завоеванию широких читательских кругов.

Деятельность Союза в 1931—1932 гг. протекала под знаком харьковских резолюций. Уже в декабре 1930 г. Курелла выступил против все еще

ИОГАННЕС Р. БЕХЕР

Фотооткрытка из серии «Мировые писатели на защиту СССР»

с текстом ответа Бехера на анкету МБРЛ 1930 г.

Издание Союзфото, 1933, Москва

широко распространенных в партийных кругах Германии сектантских и пролеткультовских воззрений. В статье «Резервы пролетарской литературы в капиталистических странах»¹³ он, кроме рабочих корреспондентов, которые в процессе своего роста становятся писателями, причисляет к кадрам революционной литературы и мелкобуржуазных авторов, которые после преодоления своих колебаний могут стать даже членами Союза.

В «Die Linkskurve» также чувствовался некоторый поворот. В журнале появился ряд программных высказываний, среди которых следует назвать редакционную статью «Подъем пролетарской литературы — итог Харьковской конференции», напечатанную в феврале 1931 г. В октябрьском номере того же года Бехер в статье «Наш поворот» подвел итог достигнутому и упущенному¹⁴. Как всегда, он не ограничивался общими тезисами, а давал конкретные советы начинающим писателям. Он рекомендовал работать над «малыми формами», откликаясь на актуальные события в листовках, памфлетах, частушках и т. п. (здесь Бехер в первый раз обратился к национальной народной традиции). Он снова требовал от пролетарских писателей высокого языкового мастерства. Совершенно новой была его ориентация на массовую литературу. Он требовал также марксистски обоснованной художественной критики, охватывающей области политики, экономики, науки и культуры и тем самым обогащающей как читателя, так и автора.

Сразу же после конференции редакция «Die Linkskurve» приступила к решению этой задачи. Уже в феврале 1931 г. в журнале была напечатана статья Ганса Гюнтера «Недостатки нашей художественной критики». Он ставил в пример критикам коммунистической провинциальной прессы, которые тогда еще огульно осуждали всю старую литературу, труд Меринга «Легенда о Лессинге». Здесь Меринг не только убедительно проанализировал творчество великого классика, но на большом фактическом материале доказывал правильность марксистского понимания истории.

Гюнтер показывает далее, как надо применять этот метод при оценке современной буржуазной литературы.

В другой статье — о книге Брентано «Начало варварства в Германии», вышедшей в свет в июне 1932 г., — Гюнтер требует разумной и конкретной критики произведений «попутчиков».

«Обзором буржуазных работ по истории литературы» (автор — Туде Рихтер), напечатанным в сентябре 1932 г., журнал начал критический анализ новейшего буржуазного литературоведения. Одновременно много места стало уделяться информации о зарубежных писателях. Так например, Георг Лукач опубликовал статью о Б. Шоу (сентябрь 1931 г.), а Ганс Гюнтер дал богатую фактическим материалом статью о развитии советской литературы (ноябрь — декабрь 1932 г.).

На потребность в теоретических литературоведческих исследованиях журнал «Die Linkskurve» откликнулся статьями Г. Лукача. Эти статьи вызвали особенно бурные споры, потому что рассматривали эстетические проблемы на материале только что появившихся произведений наших товарищей¹⁵. Реакция на эти статьи была различна. Бредель в статье «Шаг вперед» («Die Linkskurve», 1932, № 1) писал: «Все, что критикует Лукач, соответствует фактам <...> Мы описывали героические подвиги пролетариев, но где же остались <...> повседневная жизнь, сомнения, трудности и колебания, переживаемые каждым рабочим под постоянным влиянием классовых врагов? Мы не имеем права облегчать себе эту работу <...> Мы обязаны добросовестно изучать и изображать в нашей литературе пролетариат и его классовых врагов, равно как все промежуточные общественные слои».

О. Готше, напротив, в статье «Критика других» («Die Linkskurve», 1932, № 4) возражал Лукачу, называя его метод «слишком разлагающим». Э. Отвальт также защищал свою точку зрения в статье «Роман фактов или формальный эксперимент» («Die Linkskurve», 1932, № 10). Лукач использовал оба эти отклика на свои статьи для дальнейших теоретических построений («О теории стихийности в литературе», 1932, № 4, и «Добродетель по необходимости», 1932, № 11 и 12).

Публикуя на протяжении двух лет дискуссионные статьи, журнал, несомненно, поднял свой теоретический уровень. Но теперь нам ясно, что Лукач был слишком суров по отношению к пролетарской революционной литературе, когда он мерил первые ее опыты той же мерой, что и высшие достижения реализма XIX в. Он не оценил и громадного значения очеркового жанра в наше время. К тому же его статьи были написаны таким абстрактным, книжным языком, что они часто оставались непонятными рядовому читателю¹⁶.

Несмотря на это, было бы несправедливо отрицать значение работ Лукача для нашего Союза. Об этом я могу судить по собственному опыту, так как с января 1932 г. была первым секретарем Союза. В этот период Лукач руководил несколькими кружками (работа одного из них, посвященного применению диалектического метода в литературе, получила общее одобрение), читал — под псевдонимом «Келлер» — в Марксистской рабочей школе лекции и выступал на собраниях членов Союза. Он принимал постоянное участие в бесконечных спорах о программе Союза. Опираясь на большие философские и историко-литературные познания, он разъяснял нам основные принципы реалистического творчества в то время, когда марксистское освоение культурного наследия еще было для нас нерешенной задачей. Правда, проблема нового художественного качества в литературе социалистического реализма оставалась вне круга его идей. Но при всех своих недостатках он был очень полезен для каждого, кто попадал в орбиту его влияния¹⁷.

Выполняя решения Харьковской конференции, Союз проводил и другие мероприятия. Во всех районах и местных группах были открыты

курсы повышения знаний по вопросам марксизма, теории литературы, а также писательской техники. Новой формой просветительной деятельности Союза явились также письма, в которых разъяснялись различные вопросы. В качестве примера укажем на письмо А. Габора, в котором он сопоставлял ликующую «Майскую песню» Гете с меланхолическим стихотворением Эмиля Гинкеля «В листопрокатном цехе» — о заводском рабочем, который не видит весны. Вообще работа Габора в этой области заслуживает особого упоминания. В противоположность Лукачу, он умел в дружеской, часто юмористической форме объяснять начинающим пролетарским писателям в подобных личных письмах их ошибки, за что все они были ему очень благодарны¹⁸.

Союз активно участвовал в политических кампаниях, проводимых КПГ. Мы организовали немало хорошо посещаемых мероприятий, причем всегда заботились о создании новых действенных методов пропаганды. Приведу для примера антивоенный митинг в апреле 1932 г. на Nollendorfplatz в Берлине. Так как я часто критиковала стандартные двухчасовые доклады, во время которых внимание слушателей неизбежно ослабевало, то разработка плана и проведение этого митинга были поручены мне. Я решила отказаться от обычной схемы и разделила основную тему «Война» на восемь отдельных подтем; по каждой из них выступал новый оратор, говоривший от пяти до десяти минут¹⁹.

Этот вечер был подготовлен во всех деталях на своего рода генеральной репетиции в квартире Анны Зегерс. Я была как бы конференсье. Ассоциация революционных художников изготовила для нас плакаты, на которых подтемы были написаны большими буквами. Эти плакаты вывешивались перед трибуной и по мере смены ораторов срывались, как огромные календарные листки.

Чтобы привлечь новых слушателей, мы заготовили заранее листовки, размножили их вручную и распространили в помещениях буржуазных союзов (союз кролиководов, домашних хозяек и т. п.). В результате на наш митинг пришли сотни слушателей, которые, хотя и не пели в конце вечера вместе с нами «Интернационал» (так как не знали его слов), но энергично аплодировали и перед уходом раскупили все запасы книжного киоска.

Анна Зегерс говорила мне, что и теперь она с удовольствием вспоминает этот удачный вечер. Редакция журнала «Der Propagandist» рекомендовала и в дальнейшем использовать эту форму массовой работы. Бехер поддерживал борьбу против шаблонов в статье «Kühnheit und Begeisterung» («Смелость и воодушевление» — «Die Linkskurve», 1932, № 5): «Наши собрания тоже должны быть подготовлены, продуманы и организованы, а не просто вытащены механически из ящика письменного стола и брошены как попало».

Мы едва ли можем составить себе сейчас представление о практических трудностях повседневной работы Союза в то время²⁰. Полиция была неистощима в своих придирках и если сегодня разрешала что-то, то лишь для того, чтобы завтра наложить на это же запрет. Значительную часть членов Союза составляли безработные. Членские взносы поступали с перебоями. В секретариате не было оплачиваемых сотрудников. Денег в кассе часто не хватало даже на покупку почтовых марок. Некоторым членам Союза едва удавалось выкроить деньги на трамвай, не говоря уже о подписке на «Die Linkskurve». Несмотря на это, деятельность Союза расширялась от месяца к месяцу. Только в марте 1932 г. в Союз вступили три новые местные группы. Это было возможно лишь потому, что пролетарские писатели не боялись ни трудов, ни жертв во имя того, чтобы помочь возникновению подлинной, то есть социалистической народной культуры. Они действительно образовали писательский коллектив совершенно нового

типа и с моральной точки зрения, о чем говорил Бехер на собрании, посвященном основанию Союза: «... наш Союз не должен допускать различия между писателями именитыми и не завоевавшими еще имени. У нас ни с кем не любезничают и никому не курят фимиам. Все мы учимся. Главным качеством пролетарско-революционного писателя является скромность, сознание, что он только организатор опыта других людей»²¹. Подобный образ мыслей объединял членов Союза буржуазного происхождения с писателями-рабочими в сплоченный коллектив. Немалую роль сыграла личность нашего первого председателя. Он был частым гостем в подвале на Alexandrinenstrasse, 62, где помещался секретариат, и облегчал нам (кроме меня, там почти всегда находился второй секретарь — Курт Стеффен) работу то своими умными практическими советами, то забавными шутками. Я могу здесь только повторить то, что писала об этом несколько лет тому назад: «Показавшийся в дверях человек в кожаной куртке никак не производил впечатления крупной литературной величины. Такой же, как мы все, совершенно чуждый позы, умевший весело выполнять даже неприятные поручения. Его интересовало всё: социальный состав только что образовавшейся местной группы, тематика присланных на отзыв рукописей, отклики на посланные членами Союза письма с критическими разборами, число посетителей на последнем литературном вечере в Вильмерсдорфе и на последнем собрании кружка в Вейсензее по изучению жанра короткого рассказа. Хитроумный Одиссей, он всегда находил выход, когда полиция опять собиралась запретить какое-нибудь мероприятие, когда нельзя было найти зал для проведения экстренного митинга протеста, когда почтовое управление придиралось к нам из-за „подозрительного“ абонементного ящика нашего журнала и, наконец, когда ни одна типография не соглашалась больше работать на нас в кредит»²².

25 и 26 июня 1932 г. в Берлине происходила конференция Союза с участием представителей местных групп — зародыш будущих писательских съездов ГДР. Несмотря на значительные организационные трудности, заседания проходили по намеченной программе. Бехер рассказывал об истории Союза. Габор сделал доклад о сотрудничестве с МОРПом в Москве и с его секциями в других странах. Лукач (тоже под псевдонимом «Келлер») говорил о теоретическом образовании. Отчет о работе Союза в 1932 г. сделала Т. Рихтер. Он появился в сокращенном виде в «Die Rote Fahne» от 25 июня 1932 г. под заглавием «Как работает Союз пролетарско-революционных писателей».

Отношения с МОРПом в 1932—1933 гг. свидетельствовали о растущей силе и инициативности немецкой секции. Авербах, выступавший в Берлине на вечере, устроенном Союзом, встретил очень хороший прием. «Это посещение было нам полезно и двинуло нас вперед», — отмечал Бехер 15 февраля 1932 г. Что же касается методов руководства МОРПа, то они с течением времени стали вызывать все более суровую критику, о чем свидетельствуют письма, направленные руководством Союза МОРПу в июне — июле 1932 г.²³ В связи с необходимостью реорганизации журнала «Интернациональная литература» был поставлен вопрос о направлении в Москву представителя Союза, который стал бы редактором немецкого издания журнала и вошел бы в состав руководства МОРПа. Предложенная МОРПом кандидатура Герварта Вальдена была решительно отвергнута Союзом, вместо него в октябре 1932 г. в Москву был делегирован Ганс Гюнтер.

Уже в ближайшем номере немецкого издания «Интернациональной литературы» появились нужные нам статьи: теоретическое исследование Лукача о сатире и два основательных, но тактично написанных Гюнтером разбора романов Эрнста Глэзера, идеологические колебания которого причиняли нам в то время много хлопот²⁴.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В БЕРЛИНЕ В ЗАЩИТУ СССР, АВГУСТ 1929 г.

Фотография

На транспаранте надпись (перевод): «Рабочие, боритесь вместе с нами за Советскую Россию, нашу пролетарскую Родину»

Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Гюнтер вообще стремился к реорганизации МОРПа и вел свою работу в духе «смелой тактики единого фронта». В статье «Ближайшие задачи Международного объединения революционных писателей» он говорил о необходимости борьбы за привлечение новых сил из рядов мелкобуржуазной интеллигенции: «Этот поворот МОРПа, имеющий целью превратить его в массовую организацию всех писателей, готовых бороться против фашизма, против империалистической войны и против угрозы интервенции, этот отказ от всяческих сектантских тенденций, от любой групповщины, должен, в первую очередь, определять политическую и литературно-политическую линию нашей будущей работы». «Этим левым писателям, с их неизбежными отступлениями и колебаниями, мы должны показать ясные цели и перспективы <...> и с помощью нашего прекрасного, кристально чистого мировоззрения вывести их из тупика. Мы должны им помочь, потому что мы можем им помочь»²⁵.

5

После фашистского переворота Союз выдержал «испытание огнем». Многие из его членов были арестованы или вынуждены эмигрировать, но, несмотря на все это, наша организация не распалась. Руководящие члены Союза, подобно другим известным писателям, должны были уехать за границу. В один из последних вечеров мы обсуждали возможность продолжения хотя бы в какой-то мере легальной деятельности Союза и единогласно решили использовать для этого каждую лазейку; но наряду с этим было

решено тотчас же приступить и к нелегальной работе. Мы шли разными путями: наши поэты писали четверостишия, разоблачающие демагогию Гитлера, и наклеивали их на заборы и стены. Занятия в кружках продолжались, но под видом «товарищеских вечеринок». На одной вечеринке, происходившей в заднем помещении ресторана, я, используя басни Лессинга, говорила об актуальности этого жанра.

В первые месяцы господства нацистов партия предприняла опыт издания легального журнала. Он назывался «Das bunte Blatt». Мы писали для этого журнала в надежде, что нам удастся заклеить варварство гитлеровского режима так, чтобы не навлечь на журнал цензурного запрещения. Помню, как я мучилась над сочинением саркастического комментария к сожжению книг на площади перед оперным театром. Мне это стоило большого труда. Другим товарищам тоже приходилось не легче. А вообще вся эта попытка не удалась.

На легальное распространение была рассчитана и написанная мною по заданию Вальтера Ульбрихта брошюра о законе Бисмарка против социалистов. Когда я принесла ее Ульбрихту, он вручил мне скромный гонорар — единственный, который мне в то время удалось получить, — но сказал, что партия уже полностью прекратила распространение легальной литературы, ибо в условиях фашистской цензуры она только сбивает рабочих с толку. «Товарищеские вечеринки» тоже пришлось прекратить. Опыт показал, что эзопов язык, оказывавший столь ценные услуги писателям в прежние времена, не мог быть использован в качестве оружия пролетарско-революционных писателей в фашистской Германии.

С тех пор нам пришлось ограничиваться нелегальной работой. В качестве противовеса ураганному огню национал-социалистской демагогии мы решили продолжать, хотя и в более узких рамках, кружковые занятия. Одним из таких кружков, который собирался в доме свиданий (Absteigequartier) в Joachimstalerstrasse, недалеко от Kurfürstendamm, руководила я.

Одной из главных задач было издание миниатюрной нелегальной газеты «Hieb und Stich», в которой ревностно участвовало много сотрудников, в том числе и художников. Текст газеты печатался на пишущей машинке, затем фотографировался, и уменьшенные фотокопии, которые можно было прочесть только через лупу, укладывались в спичечные коробки. Таким способом мы ее и распространяли. Газета имела у товарищей большой успех. К сожалению, нам до сих пор не удалось разыскать ни одного ее экземпляра ²⁶.

Не менее важно было установить связи с эмигрировавшими членами Союза. Осуществить это в первый раз удалось в апреле 1933 г., когда я в Праге встретила с Бехером, Э. Э. Кишем, Т. Балком, Г. Гюнтером и другими и рассказала им о нашей работе. При нашей следующей встрече, в июле, было уже решено издавать журнал «Neue Deutsche Blätter», и мне поручили доставлять для него материал из Германии. Начиная с первого номера, там регулярно печатались статьи не только наших членов, но и «попутчиков», с которыми мы вновь установили контакт.

Общую оценку нелегальной работы Союза дал Бехер в своем докладе МОРПу 11 октября 1933 г.:

«Я имел возможность, — писал он, — почти во всех странах получать сведения о работе Союза в Германии. Несмотря на исключительные трудности, удалось организовать в Берлине маленькую активную группу, которая не только сотрудничала в нелегальных журналах, но перешла в последнее время к изданию собственного журнала. Этот журнал, выпускаемый в виде фотографий очень маленького формата, явился в техническом отношении чем-то совершенно новым и получил также высокую оценку партии. Я послал экземпляры этого журнала в редакцию „Интернациональной

литературы* но он, по-видимому, был утерян. В ходе печатания журнала в Берлине были арестованы три наших товарища. За это время берлинская группа установила также связь с другими группами, прежде всего с гамбургской. Связи с социал-демократическими и левыми буржуазными писателями пока еще не налажены. Важно то, что вне Союза возникла довольно обширная литература, которая, естественно, ограничивается „малыми формами“ (<...> Организовавшаяся в Германии нелегальная редакция журнала „Neue Deutsche Blätter“ уже начала хорошо работать, и нам, наверно, удастся привлечь к совместной работе более широкие круги писателей в самой Германии»²⁷.

Перед немецкой секцией за рубежом стояла сложная проблема собирания рассеянных по всему миру литературных сил, отбора нужных людей и организации единого фронта в самом широком масштабе. За выполнение этой задачи Бехер энергично принялся уже в июле 1933 г. В течение трехмесячной поездки из Чехословакии во Францию (через Австрию и Швейцарию) он ознакомился с положением в этих странах, оказавших гостеприимство немецким писателям-эмигрантам. Повсюду чувствовалось, как важно немедленно возобновить идеологическую работу с членами Союза, ибо они часто не были подготовлены к дискуссиям с враждебными партии элементами. Кроме левобуржуазных и социал-демократических деятелей, в эмиграции оказались и троцкисты, которые пытались лишить антифашистскую борьбу ее ясных политических целей. В эмигрантских журналах весьма сомнительного направления, как, например, «Die Aktion» и «Die blauen Hefte», появились уже статьи некоторых наших товарищей. Эти журналы получали субсидии из кругов, близких к французскому правительству, и совершенно открыто защищали интересы французских империалистов.

Парижская группа была относительно сильна: в ней числилось около 30 членов Союза. Кроме того, в Париже имелось около 150 коллег из Союза защиты немецких писателей. Некоторые товарищи только теперь поняли, как велико значение нашей организации; так, например, Э. Э. Киш, который раньше стоял в стороне от нашей работы, теперь весьма заинтересовался ею. В результате многодневных переговоров Бехера с парижской группой было решено создать два кружка: один по литературно-теоретическим вопросам, ставивший своей главной задачей борьбу с троцкизмом, и второй, в котором под руководством Вайнерта велись практические занятия по овладению малыми литературными формами. Так же, как в Чехословакии и Швейцарии, здесь обсуждался вопрос о связи наших писателей с писательскими объединениями принявшей их страны. Но эта связь тогда едва лишь намечалась. Переговоры Бехера в Париже с Арагоном дали весьма малый результат. Однако с этого момента начался обмен связными с французской Ассоциацией революционных писателей и художников (Association des Ecrivains et des Artistes Révolutionnaires — AEAR).

Бехер уделял также большое внимание Союзу защиты. Было решено создать авторитетное правление этого Союза и предложить австрийской и чешской организациям писателей, пишущих на немецком языке, присоединиться к нему. Париж должен был стать западноевропейским опорным пунктом МОРПа. Следовало установить контакт с антифашистскими писателями всех стран, чтобы возможно скорее созвать конгресс писателей, который должен был заявить перед всем миром протест против фашизма. Для осуществления этой задачи нужен был новый авторитетный журнал, поскольку «Интернациональная литература», номера которой выходили с большим запозданием и по ряду причин не получали широкого распространения, не могла служить оружием для борьбы против фашизма в Западной Европе.

Нам следовало торопиться потому, что Клаус Манн уже пытался силотить в своем журнале «Die Sammlung» буржуазных авторов. Этот журнал не выдвигал никаких твердых принципов и поэтому легко мог вызвать путаницу в умах и привести к распылению антифашистских сил. О других проектах говорить не приходится. Как курьез можно упомянуть, что даже Альберт Эренштейн выступил с призывом к объединению всех антифашистских сил в литературе. По словам Бехера, ознакомившегося с этим документом в Париже, он звучал «чуждачески и производил комическое впечатление».

Напротив, журнал «Neue Deutsche Blätter» готовил почву для целеустремленного собирания прогрессивных сил. Организаторским чудом стал выпуск в сентябре 1933 г. первого номера нашего журнала — он вышел одновременно с появившимся в Амстердаме журналом Клауса Манна «Die Sammlung». С этого момента социалистические немецкие писатели, и не только они, располагали достойным доверия центральным органом.

В редакционном предисловии была ясно изложена цель журнала: «„Neue Deutsche Blätter“ хотят объединить своих сотрудников для совместных действий и в том же направлении активизировать своих читателей». Не ограничиваясь политическими статьями, журнал помещал литературные произведения разных жанров, чтобы доказать, что подлинная литература может быть теперь только антифашистской. В то время, когда в Германии отрекаются от культурного наследия, когда язык низводится до уровня пустых фраз, здесь предлагают приют лучшему, что создается духом немецкого народа. С исторической точки зрения «Neue Deutsche Blätter» представляли собой большой шаг вперед в работе немецкой секции МОРПа. При изменившемся положении здесь впервые удалось осуществить в международном масштабе единый литературный фронт и тем самым проложить путь к дальнейшему развитию социалистической национальной литературы.

Большой успех журнала доказал, что он удовлетворяет потребности широких кругов интеллигенции. «Я убедился в том, что распространение нашего журнала превосходит все ожидания, — писал Бехер МОРПу, — его тираж превышает 7000, подписка дошла до 5000. Заказы на журнал поступают из Японии, Палестины, Америки и т. д. Приток рукописей очень велик, и я полагаю, что основание этого журнала действительно открыло путь к единому фронту всех антифашистских сил немецкой литературы. Почти во всех крупных газетах были помещены объявления о предстоящем выходе в свет „Neue Deutsche Blätter“, а вскоре после выпуска первого номера нашего журнала в них можно было найти чрезвычайно интересные высказывания о нем»²⁸.

Второй по значению была московская группа немецкой секции. Эта группа имела возможность поддерживать тесную связь с советской культурной жизнью и в особенности с советской литературой. Часть этой группы была после 1934 г. принята в Союз советских писателей (в том числе Бехер, Бредель, Габор, Гупперт, Гюнтер, Лукач, Шмюкле). Их теоретическими и критическими работами, занимавшими существенное место в «Интернациональной литературе», зачитывались в антифашистских кругах на Западе. Бехер убедился в этом, когда он в качестве представителя МОРПа снова провел в 1934—1935 гг. много времени за границей.

В письме от 17 ноября 1934 г. к Бределю (который замечал его тогда в МОРПе) Бехер предлагал организовать кружок по теоретическим вопросам, «который щедро и бесперебойно снабжал бы нас материалами; если нам это удастся, то было бы также важно издавать материалы для начинающих писателей, так как вопрос о кадрах нашего движения за единый фронт имеет чрезвычайно большое значение»²⁹. Подобные кружки действительно были организованы в Москве — например, кружок по изучению новеллы

DAS DRITTE REICH

Doch der Prolet denkt bei dem
Flammenschein:
„Ihr brennt Karl Marx uns tief im
Herzen ein.“

Hier unten in geheimer Druckerei
Wächst mächtig an die Stimme
der Partei.

Es sammelt sich der Einheit Rotes
Heer.
Es kommt der Tag, da heisst's:
VOLK ANS GEWEHR

«DAS DRITTE REICH» («ТРЕТИЙ РЕЙХ»). М., 1934. АНТИФАШИСТСКОЕ АГИТАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

Текст Иоганнеса Р. Бехера, иллюстрации Генриха Фогелера

Верхний ряд: обложка и страница книги с рисунком — сжигание фашистами социалистической и прогрессивной литературы

Нижний ряд: страницы с рисунками — подпольная коммунистическая типография; портрет Эрнста Тельмана и знамя с лозунгом (перевод): «Да здравствует боевой Единый фронт!»

под руководством Ганса Гюнтера. Однако руководство МОРПа не заинтересовалось этим. Тогдашние ответственные товарищи из руководства МОРПа (Людкевич и другие) слишком мало были знакомы с парижской обстановкой, чтобы иметь возможность воздействовать на нее. В результате они делали очень мало или совсем ничего не делали для того, чтобы подхватить инициативу Бехера. Бредель тоже не был в состоянии выполнить эту задачу. Когда я несколько лет тому назад заговорила с ним на эту тему, он ответил: «Я в то время еще до этого не дорос. Только через несколько лет, еще будучи в Москве, я понял, какую большую и дальновидную политику проводил Бехер за границей». Вспоминая о Бехере, Бредель откровенно признается: «Мы были слишком разными как по социальному происхождению, так и по нашему положению в литературе. Бехер был тогда уже известным писателем, а я — новичком в писательской среде»³⁰.

Одним из спорных вопросов, поднятых Бехером, был вопрос о сонете — жанре, который он недавно вновь открыл для себя. Среди немецких эмигрантов в Москве далеко не все отдавали себе отчет в том, какое подлинное художественное возрождение было связано с этим. Не понимал этого и Бредель: «Я вначале считал эту дискуссию пустяковым спором о форме и отходом от принципов политической литературы. Сектантство, преодоленное нами во многих политических вопросах, отпраздновало в нашей литературной дискуссии еще одно, хотя и кратковременное воскресение из мертвых»³¹.

Зато за границей сонеты Бехера произвели сенсацию. Вызванное ими огромное впечатление объясняется тем, что они явились первым убедительным доказательством того, как усваивают и развивают коммунисты культурное наследие. Даже такие наши противники, как Макс Брод, были покорены сонетами Бехера.

В отчете о своей работе в Праге в 1934 г. Бехер писал: «Несколько дней тому назад я в узком кругу читал свои сонеты и говорил о нашем отношении к прошлому немецкой поэзии. Сонеты подействовали, как некая, если так можно выразиться, форма уяснения нашего отношения к прошлому, причем завязалась длительная дискуссия, во время которой, в частности, Макс Брод почти на сто процентов присоединился к нашей точке зрения и сказал, что при подобных предпосылках можно действительно идти с нами <...> Мы спорили с ним также по вопросу об обесценении литературы за последние десятилетия, и именно эта защита литературы, защита ее силы произвела на него такое большое впечатление <...> Для Генриха Манна наше отношение к вопросу о наследии также было совершенно новым»³².

Старое представление о «враждебном отношении к культуре» было, наконец, убедительно опровергнуто благодаря сонетам Бехера. По его словам, «Томас Манн также был поражен, когда разговор зашел о культурном наследии; он спросил, не возникли ли эти проблемы только после съезда советских писателей <...> Он откровенно признался, что полностью дезориентирован и потерял под ногами почву. Естественно, что на него вполне можно было бы оказать влияние». Тогда же Бехер предложил пригласить Томаса Манна в Советский Союз.

В подобных фактах особенно ясно обнаруживается тесная связь между литературной и организационной работой. Бехер извлекает из них уроки на будущее: «Если мы говорим, что антифашистская поэзия — это немецкая поэзия, то это означает, что мы обязаны создать такую поэзию, которая должна будет полностью вобрать в себя все, созданное до сих пор немецкой поэзией. Вопрос о едином фронте, как показывает мой опыт, непосредственно связан с вопросом о нашем отношении к прошлому». Поэтому Бехер требует печатания статей о Гельдерлине, о немецкой лирике, о Гриммельсхаузене.

В этих условиях теоретические и критические работы, помещенные в «Internationale Literatur», попадали на благодарную почву: «Это факт, с которым все друзья здесь согласны, что „Internationale Literatur“ по сравнению с прежним временем стала значительно лучше», — пишет Бехер 16 марта 1935 г. Бределю. Далее он приводит мнение Г. Манна о том, что статья Шмюкле «О свободе и ее призраке. Заметки об антифашистских произведениях Фейхтвангера, Г. Манна, Кестена и других»³³ оказала чрезвычайно положительное влияние. Эта статья увлекала читателей и побуждала их к размышлениям. Когда книга Г. Гюнтера «Дух, присущий господам. Об идеологии национал-социализма»³⁴ была получена в Париже, Бехер написал Бределю 3 октября 1935 г.: «Я должен открыто признать, что у меня волчий аппетит к подобной литературе. Эту книгу я лично весьма ценю и хочу попросить тебя прислать нам десять экземпляров, чтобы мы могли снабдить ею весь кружок...»³⁵

Издание этой книги, автора которой гитлеровское правительство хотело заключить в концлагерь³⁶, было осуществлено без всякой поддержки МОРПа. Напротив, потребовалось категорическое распоряжение товарища Димитрова: «Немедленно издать на четырех языках!» для того, чтобы ее вообще напечатали³⁷. Письма автору с выражением благодарности от Фейхтвангера и Генриха Манна не заставили себя ждать. А после прочтения статьи «Дело Ницше»³⁸ Генрих Манн писал Гюнтеру: «Я очень благодарен вам за вашу статью. Вы открыли мне глаза. Я собирался написать книгу о Ницше, но теперь вижу, что имел о нем совершенно превратное представление».

С Фейхтвангером, чьи произведения Гюнтер подробно разбирал (см. «Internationale Literatur», 1935, № 5), у него завязалась переписка, за которой должно было последовать личное знакомство. Однако когда Фейхтвангер приехал в 1936 г. в Москву, Гюнтер, как и некоторые другие члены немецкой секции, уже стал жертвой необоснованных репрессий. Поэтому его большая статья «Генрих Манн — антифашист», бывшая первым марксистским истолкованием творчества этого писателя, осталась неопубликованной. Моя статья, посвященная разработке культурного наследия немецкого народа «Адольф Гласбреннер, забытый народный поэт», также осталась лежать в редакции.

Несомненно, что разработка идеологических проблем имела важнейшее значение и что личный обмен мнениями был чрезвычайно плодотворен, но, кроме того, необходимо было организованное объединение, которое могло бы обеспечить руководство пролетарско-революционными писателями в антифашистском литературном движении. Бехер не упускал из вида ни одного из этих трех факторов, он не хотел и слышать о роспуске МОРПа: «МОРП не имеет права и не может быть в это переходное время распушен и ослаблен, наоборот, его следует усилить, а его работу активизировать. Всякого рода разговоры о роспуске МОРПа (тогда ходили подобные слухи. — Т. Р.) я считаю в настоящий момент особенно опасными, ибо никакая другая организация не может его заменить»³⁹. Вскоре он пишет еще подробнее: «МОРП должен продлить свое существование по крайней мере еще на несколько месяцев после запланированной нами конференции, но и в дальнейшем он будет необходим в качестве организационной опоры или информационного бюро»⁴⁰.

После столь решительных заявлений Бехера вопрос о роспуске МОРПа был отложен.

Между тем Бехер «осмотрительно и неутомимо» — как с восхищением отметил Фейхтвангер — организовывал литературный фронт. Уже 28 января 1935 г. в Париже состоялось первое общее собрание Союза защиты немецких писателей, которое знаменовало создание единого Союза всех немецких писателей-эмигрантов.

Одновременно Бехер принимал активное участие в работе французской секции, которая, со своей стороны, стремилась к созданию международной антифашистской лиги писателей под руководством Барбюса. 3 января 1935 г. Бехер мог сообщить: «Лига уже основана. Я надеюсь, что мне и здесь удастся провести правильную и согласованную линию». Это относилось прежде всего к Конгрессу в защиту культуры, подготовка к которому тогда уже началась.

Как видно из отчета Бехера от 11 октября 1933 г., немецкая секция еще за полтора года до этого приступила к разработке плана такого конгресса. С тех пор Бехер, поддерживая тесную связь с французскими писателями и продолжая настойчиво относиться к Барбюсу и другим товарищам, старался подготовить конгресс таким образом, чтобы обеспечить МОРПу руководящую роль в нем. С этой целью он уже в конце 1934 г. обращается с конкретными предложениями к руководству МОРПа. В письме к Шмюкле от 19 февраля 1935 г. он вынужден с сожалением констатировать, что «ничего не было предпринято», и характеризует стиль работы МОРПа как «показную политику» и «декоративную живопись». С другой стороны, он все же чувствует, что начался новый этап развития: «Теперь мы дошли до того рубежа, на котором работа немецких писателей может развиваться лишь при условии международной поддержки, то есть при расширении сферы их деятельности. Надо по-настоящему взять на себя руководство. Его нельзя осуществлять ни через письма, ни посредством телефонных переговоров, ни с помощью телеграмм, но лишь при личном общении».

Парижский конгресс, как известно, имел бесспорный, пожалуй, даже неожиданный успех. Немецкая делегация была на конгрессе особенно многочисленной. В письме, посланном МОРПу, Бехер с удовлетворением отметил: «Мы можем сказать, что от Генриха Манна до Мархвицы и Клауса (докладчик из Германии) немецкая литература никогда еще не была представлена за рубежом с такой полнотой. Если мы учтем, что выступления Мархвицы и Клауса принадлежали к числу тех, которые произвели наибольшее впечатление, то можно установить, что благодаря единому фронту наша сплоченная пролетарская литература не только не была встречена молчанием, но, напротив, она получила исключительную поддержку и была поставлена в один ряд с крупнейшими явлениями буржуазной литературы».

Но на конгрессе обнаружились и наши недостатки. Это были, главным образом, недостатки идеологического порядка, что побудило нас немедленно приступить к основательной учебной работе с нашими товарищами, особенно по вопросам культурного наследия и гуманизма. Вновь основанный Немецкий национальный комитет при Международной ассоциации писателей как бы продолжал в новых условиях линию Союза. На первом месте в рабочей программе, рассчитанной на ближайшие четыре месяца, стояло: «Изучение и оценка материалов конгресса, в особенности же активное привлечение друзей, работающих в области теории литературы. Предложены: Шмюкле, Гюнтер, Лукач».

Самым важным делом, за осуществление которого мы немедленно принялись, было основание журнала. Кроме беллетристических произведений, журнал должен был помещать международную информацию и полемические статьи, разоблачающие фашистское варварство в области культуры. К сотрудничеству в нем должны были быть привлечены также католические и социал-демократические писатели. «Журнал уже подготовлен. Выходит в свет 1 сентября», — гласило объявление.

Но этот журнал так и не увидел света. Несомненно, что подобный орган был крайне необходим, тем более, что журнал «Neue Deutsche Blätter» вследствие финансовых и политических затруднений вынужден был прекратить свое существование⁴¹. Та же судьба постигла и журнал Клауса

АНТИФАШИСТСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В БЕРЛИНЕ

Фотография, начало 1930-х годов

Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов, Красноярск

Манна «Die Sammlung». Мы обсуждали возможность издания вместо «Internationale Literatur» нового объединенного журнала. Его редакция должна была находиться в Париже. Но и это оказалось неосуществимым. Что было делать? Хотя руководство МОРПа тоже перестало заниматься этим вопросом — а в конце 1935 г. сам МОРП был распущен, — нашлись все же энергичные друзья, которые указали выход из положения. Бредель, как было принято, послал копию доклада Бехера о работе конгресса в Иностранную комиссию Союза советских писателей. Таким путем о проекте издания журнала узнал Горький, и дело было решено. Он обсудил вопрос с Михаилом Кольцовым, который возглавлял Жургазобъединение. Как рассказывала позже Бределю Мария Остен (секретарь Кольцова), инициатива создания журнала «Das Wort» принадлежала Горькому. Кольцов или Союз советских писателей привлекли Бределя в качестве главного редактора нового журнала и договорились с ним относительно осуществления этого начинания. Редактирование журнала было поручено Бределю, Брехту и Фейхтвангеру. Предусматривалась выплата авторам гонораров в валюте. Журнал охотно привлекал к сотрудничеству всех антифашистов, в том числе католиков и социал-демократов. Чтобы не исказить основной литературно-политической линии, каждый номер выходил с редакционным предисловием. В большинстве случаев предисловия писал Бредель — он предварительно посылал их своим соредакторам в Копенгаген или в Париж.

Горький собирался написать вступительную статью к первому, июльскому номеру за 1936 г. Но, к сожалению, это намерение не было им осуществлено, и журналу пришлось поместить в этом номере некролог Горького.

Успех журнала «Das Wort» намного превзошел «Neue Deutsche Blätter». Тираж с 5000 увеличился до 12 000. На журнал подписывались во мно-

гих странах, в том числе в Турции, Палестине, Испании, Австралии. Он стал изданием, читаемым всеми немецкими антифашистскими писателями, и новым побегом на дереве нашей социалистической национальной литературы⁴².

После 1935 г. Союз пролетарско-революционных писателей, как и МОРП, был ликвидирован, то есть формально они перестали существовать, но данные ими импульсы продолжали действовать.

Если сегодня в ГДР мы можем отметить расцвет беллетристики, то нельзя забывать, что это плоды наших давних упорных стараний, что наша социалистическая литература, так же как и советская литература на первоначальных стадиях своего развития, получала поддержку от таких организаций, как РАПП, МОРП и Союз пролетарско-революционных писателей.

Оглядываясь на прошлое, я думаю, что никто не может лучше рассказать о большой воспитательной роли этих писательских объединений, чем Иоганнес Р. Бехер, который с первого до последнего часа их существования был всецело предан им и творчество которого знаменовало рождение нашей социалистической национальной литературы. Поэтому ему и представляется здесь заключительное слово:

«Вопрос об едином фронте, судя по полученному мною здесь опыту, непосредственно связан с вопросом о нашем отношении к прошлому. Если нам не удастся создать творческую концепцию нашей литературы, то есть показать перспективы социалистической поэзии и возможности достижения ею художественных высот, то наше движение за единый фронт в области литературы окажется лишь весьма шатким делом, не опирающимся на творческую солидарность и обреченным на недолгое существование <...> У меня создалось впечатление, что именно мы должны взять на себя инициативу и вывести литературу из состояния депрессии, вновь указать литературе и писателям на высокие задачи, которые подобают литературе; этой „державе слова“. Почти всюду можно вынести впечатление, что писатели относятся „пораженчески“ к самим себе и к собственному творчеству. Болтовня об упадке искусства, о замене искусства наукой, вплоть до ложных теорий фактографии и схематической подмены поэзии публицистикой, — все это привело к тому, что писателями овладели упадочные настроения и — здесь влияние Конгресса было чрезвычайно благотворным — они приняли наши слова о высоких задачах литературы как некое открытие.

К тому же крайне необходимо, чтобы мы в нашей собственной среде выработали более ясное понятие литературы, чем мы это делали до сих пор, и не допускали, чтобы создавалось впечатление будто литература является делом какого-то сектора Агитпропа. Я полагаю, что мы должны покончить с этими настроениями и применить такой метод критики, который прежде всего поможет нам выработать высокое понятие литературы и поддержит все попытки в этом направлении. Само собой разумеется, это не значит, что мы противопоставляем теперь большую литературу публицистике. Совсем наоборот: от этого публицистика только выиграет и станет более жизненной. Все наши дискуссии показали, как важно было бы написать историю Союза пролетарско-революционных писателей или, иначе говоря, историю того, какие проблемы возникали за время нашего развития. Еще важнее было бы создать, наконец, историю РАППа. Получается, что мы беспрерывно — но, естественно, в другой обстановке — обсуждаем старые проблемы, причем нашим друзьям остается неизвестным, что эти проблемы обсуждались и раньше. Разумеется, действительность не доставляет нам удовольствия и не возвращает эти проблемы в точно такой же форме, какую они имели раньше. Все это не вполне ясно некоторым нашим товарищам, которые утверждают, не понимая литературно-полити-

ческого смысла этих утверждений, что сейчас нужно писать только для сегодняшнего дня, а большую литературу следует предоставить левобуржуазным деятелям. Итак, обдумайте, пожалуйста, также вопрос о возможности написания истории РАППа или истории Союза пролетарско-революционных писателей...»⁴³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 1) Zur Tradition der sozialistischen Literatur in Deutschland. Eine Auswahl von Dokumenten. Herausgegeben und kommentiert von der Deutschen Akademie der Künste zu Berlin. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1967 (первое издание вышло в 1962 г. В дальнейшем при ссылках на второе издание указывается сокращенно: «Zur Tradition...»). 2) Zur Geschichte der sozialistischen Literatur. 1918—1933. Elf Vorträge gehalten auf einer internationalen Konferenz in Leipzig vom 23. bis 25. Januar 1962. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Künste zu Berlin. Berlin, Aufbau-Verlag, 1963. 3) Aktionen... Bekenntnisse... Perspektiven... Berichte und Dokumente vom Kampf um die Freiheit des literarischen Schaffens in der Weimarerrepublik. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Künste zu Berlin. Berlin und Weimar, Aufbau-Verlag, 1966 (сокращенно: «Aktionen... Bekenntnisse... Perspektiven...»).

² J. R. B e c h e r. Unser Bund («Zur Tradition...», стр. 91). Текст речи опубликован в этом сборнике по гектографированному тексту, хранящемуся в Германской Академии искусств (J. R. Becher-Archiv. Nachlassmaterial des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller, IV/35).

³ Там же, стр. 91—94.

⁴ «Organisationsstatut (Entwurf) des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller» («Zur Tradition...», стр. 114—115).

⁵ Об этом подробно говорится в диссертации Е. Симонс: «Zur Tätigkeit des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller Deutschlands (1928—1933)». Berlin, 1960.

⁶ Ниже используется полный текст «Отчета о деятельности Союза пролетарско-революционных писателей в 1929 году», который хранится в Германской Академии искусств (J. R. Becher-Archiv. Nachlassmaterial des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller, IV/36). В сб. «Zur Tradition ...» опубликована сокращенная редакция отчета (см. стр. 163—174).

⁷ «Zur Tradition...», стр. 137—139.

⁸ История образования австрийского Союза пролетарско-революционных писателей изложена в воспоминаниях Э. Фабри (см. настоящ. том, стр. 331—344).

⁹ «Zur Tradition...», стр. 168.

¹⁰ «Литература мировой революции», специальный номер. Вторая Международная конференция революционных писателей, 1931, стр. 16 (в дальнейшем все выступления на Харьковской конференции цитируются в настоящей статье по этому изданию с указанием в скобках страниц).

¹¹ В немецкой литературе Харьковской конференции и оценке ее значения посвящена статья: G. R u d l o f f. Zur zweiten internationalen Konferenz revolutionärer Schriftsteller in Charkow, 1930 («Weimarer Beiträge», 1960/II).

¹² Это письмо входит в публикацию писем Л. Ренна МОРПу (см. настоящ. том, стр. 134—136).

¹³ Статья была напечатана в распространенном ежемесячном журнале «Der Rote Aufbau», 1930, № 12, и 1931, № 1. Перепечатана в сб. «Zur Tradition...», стр. 295—313.

¹⁴ Статья Бехера «Наш поворот» также перепечатана в сб. «Zur Tradition...», стр. 370—384.

¹⁵ Таковы были его статьи: «Романы Вилли Бределя» («Die Linkskurve», 1931, № 11) и «Репортаж или художественное творчество? Критические заметки по поводу романа Эрнста Отвальда» («Die Linkskurve», 1932, № 7 и 8).

¹⁶ Глубокий анализ ошибок Лукача дали А. Абуш в докладе на теоретической конференции в Берлине в 1958 г. (см.: «Neue Deutsche Literatur», 1958, № 8) и Г. Кох в книге «Marxismus und Ästhetik» (Берлин, 1962).

¹⁷ В сонете «G. L.» Бехер оценил работу Лукача в духе нашего тогдашнего ее понимания (см.: J. R. B e c h e r. Sonettwerk. Berlin, 1956, стр. 241).

¹⁸ Копии нескольких таких критических разборов, написанных в форме писем, передала мне Ольга Габор-Гальперн (Будапешт). Эти письма настолько ценны, что комиссия по работе с молодыми литераторами Германского союза писателей и теперь охотно использует их.

¹⁹ См. статью: T. R. «Neue Formen der Propaganda». — «Der Propagandist», 1932, Mai. Экземпляр этого номера имеется в Институте марксизма-ленинизма в Берлине.

²⁰ Все, о чем говорил на Харьковской конференции Л. Ренн, оказалось верным в еще большей мере для последующих лет.

²¹ «Zur Tradition...», стр. 92.

²² T. R i c h t e r. Becher und der Bund proletarisch-revolutionärer Schriftsteller. — «Sinn und Form». Zweites Sonderheft Joh. R. Becher. Berlin, 1959.

²³ Эти письма от 3 июня и 27 июля публикуются в настоящ. томе, стр. 117—124.

²⁴ G. L u k á c s. Zur Frage der Satire («Internationale Literatur», 1932, № 4-5, стр. 136—153); H. G ü n t h e r. Ernst Gläser's «Das Gut im Elsass» (там же, стр. 161—169).

²⁵ H. G ü n t h e r. Die nächsten Aufgaben der Internationalen Vereinigung Revolutionärer Schriftsteller. — «Internationale Literatur», 1933, № 1. Цит. по сб. «Zur Tradition...», стр. 514—515, 523.

²⁶ В «Arbeiter-Illustrierte-Zeitung» (эта газета выходила тогда в Праге) был воспроизведен один из номеров «Hieb und Stich» (1933, № 8).

²⁷ Цит. по машинописной копии, хранящейся в архиве Бехера (Nachlassmaterial des Bundes..., VI/41).

²⁸ Архив Бехера (Nachlassmaterial des Bundes..., VI/40).

²⁹ Цит. по фотокопии письма, хранящейся в архиве Бехера.

³⁰ «Becher-Sonderheft», стр. 552.

³¹ Там же.

³² Отчет, датированный 17 ноября 1934 г. — Цит. по копии, находящейся в архиве Бехера.

³³ K. S c h m ü c k l e. Von der Freiheit und ihrem Trugbild. Bemerkungen zu den antifaschistischen Schriften Feuchtwangers, H. Manns, Kestens u. a. — «Internationale Literatur», 1934, № 3.

³⁴ H. G ü n t h e r. Der Herren eigner Geist. Zur Ideologie des Nationalsozialismus. Moskau, Verlag für ausländische Arbeiter, 1935.

³⁵ Цит. по фотокопии, хранящейся в архиве Бехера.

³⁶ В 1945 г., после падения Берлина, в архиве гестапо был найден приказ о пожизненном заключении Ганса Гюнтера в концентрационный лагерь.

³⁷ Отметим попутно, что именно Г. Димитров во время дискуссии о сонете защищал Бехера от нападок со стороны многих немецких литераторов.

³⁸ «Под знаменем марксизма», 1935, № 5-6.

³⁹ Отчет Бехера от 17 ноября 1934 г. из Парижа. Цит. по фотокопии, находящейся в архиве Бехера (там же хранятся другие его письма, которые используются нами в дальнейшем).

⁴⁰ Письмо Бехера от 22 декабря 1934 г.

⁴¹ Этому журналу посвящена статья К. Шмюкле «Журнал борьбы с фашизмом в литературе» — «Интернациональная литература», 1934, № 6. В рукописном отделе ИМЛИ (ф. 173, оп. 1, ед. хр. 116, л. 1—20) находится машинописный текст статьи К. Шмюкле «Zwölf Hefte einer Zeitschrift. Wege und Ziele der „Neuen Deutschen Blätter“».

⁴² О журнале «Das Wort» см. в письмах Фейхтвангера, публикуемых в настоящем томе.

⁴³ Из доклада МОРПу о Конгрессе в защиту культуры, Париж, 1935 (цит. по фотокопии, находящейся в архиве Бехера).